

ния личной и творческой биографии Бунина, но и в более общем контексте исследований по истории культуры Русского Зарубежья.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-117-129

© Т. М. ДВИНЯТИНА

«ЗА СТЕНАМИ РАЗРУШЕННОГО И ПОРУГАННОГО СИОНА»: И. А. БУНИН В 1917–1921 ГОДАХ*

Свойственные Бунину полярность «повышенного душевного строя» и оксюморонная «прошивка» художественной ткани его произведений составляют едва ли не главные отличительные признаки, по которым можно сразу узнать писательский стиль и явленный в нем образ бунинского мира. Эти черты принадлежат самому общему уровню бунинского мира — личности автора, и наиболее конкретному уровню его произведений — их образно-стилевым особенностям.

Но и в биографической канве, сочленениях самой жизни те же полюса напряженного счастья и оглушительной, извне настигшей трагедии порой вплотную подходили друг к другу. Вглядываясь в жизнь Бунина с почти вековой дистанции, можно увидеть, что и сам жизненный сюжет его был в существенной своей части построен на чередке моментов, максимально ясно и едва ли не одновременно воплощавших противоположные и взаимно усиливающие друг друга переживания бытия.

В этом отношении, может быть, самым насыщенным периодом были первые годы после крушения всей той России, которую Бунин в своей огненной публицистике рубежа 1910–1920-х годов назвал *разрушенным и поруганным Сионом*.¹ Собственная задача стала ясна Бунину уже за пределами отечества: воссоздать, спасти и сохранить живой образ погибшего мира единственным подвластным ему способом — словом. Выражение из его же стихов — «Лишь слову жизнь дана»² — сбывалось теперь так, как он и предположить не мог, когда писал их в начале 1915 года. Казалось, что между теми зимними днями в Глотове, когда набрасывались эти строки, и осуществлением сказанного в них разверзлась пропасть.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-012-41004). Тексты И. А. и В. Н. Буниных печатаются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate. Благодарю хранителя Русского архива в Лидсе (РАЛ) Ричарда Д. Дэвиса за постоянную помощь и консультации в работе с бунинским наследием и С. Н. Морозова, чей фундаментальный труд — «Летопись жизни и творчества И. А. Бунина» — является неперменной основой при обращении к конкретным периодам жизни писателя.

¹ В заголовок работы вынесена цитата из статьи Бунина «В этот день», написанной в 1919 году (Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; вступ. статья О. Н. Михайлова; комм. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М., 1998. С. 27–29). Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: *Публицистика*, с указанием номера страницы.

² Стихотворение «Слово» («Молчат гробницы, мумии и кости...»); Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. Т. М. Двинятиной. СПб., 2014 (Новая Библиотека поэта). Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: *Стихотворения*, с указанием номера тома и страницы.

* * *

В одной из первых заметок послереволюционной поры Бунин писал: «Лето семнадцатого года я помню, как начало какой-то страшной болезни, когда уже чувствуешь, что болен смертельно, что голова горит, мысли путаются, окружающее приобретает какую-то жуткую сущность, но когда еще держишься на ногах и чего-то еще ждешь в горячечном напряжении всех последних телесных и душевных сил» (*Публицистика*, 27). С мая до конца октября 1917 года Бунин и его жена Вера Николаевна Муромцева (Бунина) живут у родственников (двоюродной сестры Бунина С. Н. Пушешниковой и ее сына, друга Бунина Н. А. Пушешникова) в Орловской губернии, в селе Глото-во. В начале июля, после провала наступления русской армии на юго-западном фронте, на фоне кризиса власти и массовых демонстраций в Петрограде по городам прокатывается волна стихийных беспорядков, на укрощение которых присылаются войска из центра. Крестьянские волнения захлестывают и близкие к Буниным уезды, в самом Глотове мужики жгут и случайные избы, и хозяйские постройки,³ а вести из столиц усиливают ощущение надвигающегося хаоса. 25 июля 1917 года Бунин пишет своему другу П. А. Нилюсу в Одессу: «До ярости, до боли кровной обиды отравляемся каждый день газетами».⁴

А через день оставляет самую поэтическую и самую подробную за всю жизнь запись из всех, что сохранились в его дневнике. Ее одну можно было бы привести, чтобы выразить весь душевный строй и суть его художнической и человеческой личности: «Счастливый прекрасный день. Деревенскому дому, в котором я опять провожу лето, полтора века», — и далее разворачивается медлительное, текучее и завораживающее описание старинного дома, утра, дня, заката, ощущений, мыслей, размышлений о прошлом и вечном («...то о Тиверии, о Капри... Почему о Тиверии? Очень странно, но мы невольны в своих думах» и т. д.), заканчивающееся неожиданным пуантом: «Опять прошел день. Как быстро и как опять бесплодно!» (*Устами Буниных*, 1, 163–166).

Фатальное изменение политической ситуации наступает в самом конце лета: 29 августа приходит известие о «восстании» Верховного Главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова против Временного правительства (на деле это была интрига А. Ф. Керенского с целью смещения политического противника). Последнее обращение Корнилова («Русские люди! Великая родина наша умирает» и т. д.), его арест и последняя краткая победа Временного правительства, прежде всего Керенского, о котором и прежде Бунин отзывался крайне отрицательно, — потрясают: «Таких волнений мало переживал в жизни. Просто пришибло».⁵

³ 27 июня 1917 года Бунин второй раз в жизни пишет стихотворение-«репортаж» (о первом таком стихотворении, «Хозяин умер, дом забит...», 1916, см. ниже). Сначала он дает название «Пожары», затем меняет его на точную временную приуроченность: «Семнадцатый год» (см. стихотворение «Наполовину вырубленный лес...»: *Стихотворения*, 2, 171, 452 (комм.)).

⁴ Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов / Подг. текстов и комм. С. Н. Морозова; под общ. ред. О. Н. Михайлова. М., 2007. С. 394 (далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: *Письма*, с указанием номера страницы); *Устами Буниных*. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt a/M., 1977. Т. 1. С. 167 (далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: *Устами Буниных*, с указанием номера тома и страницы; фрагменты дневников, не вошедшие в издание, цитируются по архивным источникам).

⁵ РГБ. Ф. 622. Карт. 3. Ед. хр. 33. Дневник И. А. Бунина (записи 1 августа — 21 ноября 1917 года; 18 января — 1/14 мая 1918 года; далее дневниковые записи Бунина цитируются по этому источнику). Затем из солидарности с Корниловым правительство покинули кадеты, 1 сентября была образована Директория во главе с Керенским и провозглашена Российская респуб-

И в то же самое время — как и в течение всего лета — Бунин по-прежнему много гуляет и ездит по окрестностям, отмечает в дневнике «первые признаки осени» — они перейдут в стихи: за август–октябрь 1917 года написано больше тридцати текстов. В те месяцы он пишет, может быть, самые счастливые свои стихотворения. Собранные вместе, они отдельными штрихами как будто напоминают обо всей прожитой жизни: «Ландыш» — о первой публикации,⁶ «Золотыми цветут острями...» — о юности в Озёрках (последнем родовом имении разорившейся семьи Буниных под Ельцом), «Свет незакатный» — о юношеской любви, «Стали дымом, стали выше...» — о жизни в столицах, «Смятенье, крик и визг рыбалок...» и «Белые круглятся облака...» — о путешествиях в Италию, «Сорвался вихрь, промчал из края в край...» — об Индийском океане, и т. д. В пейзажной лирике тех недель отражается влияние перечитанных и заново прожитых тогда стихов А. М. Жемчужникова и А. А. Фета и звучит лейтмотив *невыразимости бытия*, один из главных в бунинской эстетике. В дневнике: «И всё мука, мука, что ничего этого не могу выразить, нарисовать!» (20 августа) — и почти теми же словами в стихотворении «Щеглы, их звон, стеклянный, неживой...» (3 октября). Накануне решающих событий в своей жизни Бунин (как было и будет еще не раз)⁷ абсолютно погружен в природное течение жизни. В самом конце жизни в одной из записных книжек, уже неровным почерком он отдельно записал: «Начало осени 17 года было удивительно прекрасно».⁸

К октябрю в Глодове и окрестностях нарастают крестьянские волнения. 7 октября Бунин сообщает П. Нилусу: «Пока сидим в деревне. Скверно и жутко порой, но что делать! В Москву хотим поехать к концу октября» (*Письма*, 402).⁹ 10 октября — пишет стихи о молодости и вечности: «Этой краткой жизни вечным измененьем...» и «Как в апреле по ночам в аллее...». В тот же день вместе с Н. Пушешниковым едет из Глодова в уездный город Ефремов и узнает, что с часу на час ожидается погром:¹⁰ «В деревне невыносимо и оч^{<ень>} жутко», — признается Бунин в письме тому же Нилусу 16 октября (*Письма*, 403; *Устами Буниных*, 1, 167).

ка. Тем самым после быстро сошедших со сцены эсеров и меньшевиков дорога к власти большевикам была открыта.

⁶ В течение жизни Бунин не раз вспоминал, как в мае 1887 года получил на почте газету «Родина» (17 мая, № 20) со своим стихотворением «Деревенский нищий» (Бунин считал его своим литературным дебютом, вопреки более ранней публикации в той же газете другого его стихотворения, «Над могилой С. Я. Надсона»). Это воспоминание было связано для него с ландышами: «Утра, когда я шел с этим номером с почты в Озёрки, рвал по лесам росистые ландыши и поминутно перечитывал свое произведение, никогда не забуду»; «Чудесный весенний день!» (*Бунин И. А. Собр. соч.*: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 260, 527; далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: *Бунин*—9, с указанием номера тома и страницы).

⁷ Самые яркие примеры, которые позволяют говорить о своего рода архетипическом повторении, — лето 1914 года накануне начала Первой мировой войны и осень 1933 года перед присуждением Бунину Нобелевской премии, о них см.: *Двинатина Т. М.* 1) И. А. Бунин в 1914 году // *Русская литература*. 2015. № 1. С. 161–171; 2) Нобелевский год И. А. Бунина (по материалам дневников и семейной переписки) // *Литературный факт*. 2017. № 4. С. 143–161.

⁸ РАЛ. MS 1066/555.

⁹ На 12 ноября были назначены выборы в Учредительное собрание, Бунин должен был избираться от Москвы. Оставаясь в деревне, он беспокоился о том, чтобы его имя было внесено в списки, и просил брата Ю. А. Бунина, который уже был в Москве, узнать положение дел (см.: *Письма*, 403).

¹⁰ Это ожидание было вызвано новостями из Петрограда, которые Бунин узнает из газет, прежде всего — о речи Троцкого 7 октября на заседании Временного совета Российской Республики (совещательного органа при Временном правительстве), в которой говорилось о выходе из него большевиков. Тем самым была перечеркнута последняя возможность умеренного развития и декларируется переход большевиков к активной фазе захвата власти; на следующий день Троцкий был избран председателем Петросвета.

Но стихи идут по нарастающей, в свои последние дни в Глотове Бунин пишет собственный вариант «Ехегі monumentum» — «Венком из мирта освежал я...» (ранний вариант стихотворения «Венки»)¹¹ и самое открытое свое стихотворение, возвышающееся над всем, что он написал до и напишет после:

Звезда дрожит среди вселенной...
 Чьи руки дивные несут
 Какой-то влагой драгоценной
 Столь переполненный сосуд?

Звездой пылающей, потиром
 Земных скорбей, небесных слез
 Зачем, о Господи, над миром
 Ты бытие мое вознес?

Дата под текстом — 22 октября. По словам В. Н. Муромцевой, в этот день «в два часа дня, когда Ян сидел и писал стихи», из соседнего имения, где жили ее родственники, «явился <...> мужик и объявил, что начались погромы» (*Устами Буниных*, 1, 193; запись от 3 ноября 1918 года). На рассвете 23 октября 1917 года Бунины навсегда бежали из Глотова.

* * *

26 октября, проведя два дня в Ельце, Бунины приехали в Москву и остановились у родителей В. Н. Муромцевой (Поварская ул., д. 26, кв. 2). Накануне в Петрограде произошла революция: большевики взяли власть и арестовали Временное правительство. На следующий день после приезда Буниных в Москву, вооруженное восстание начинается и в ней. Недалеко от Поварской находилось Александровское военное училище, юнкера которого, главным образом, и защищали Москву от войск узурпаторов. Когда 29 октября Буниным звонит Е. П. Пешкова, за окнами идут уличные бои. На другой день под звуки выстрелов Бунин пишет в дневнике: «Вера говорила с Кат<ериной> Павл<овой> <Пешковой>. — Т. Д.> по телефону. Катерина Павловна <...> сказала, что А<лексей> М<аксимович> у нее, что если я хочу с ним поговорить и т. д. Но мне он так мерзок, что я не хочу».¹² Это был разрыв отношений. Из задуманного горьковским издательством «Парус» Собрания сочинений Бунина в конце года вышел только один, десятый том, но и о нем Бунин справлялся теперь у А. Н. Тихонова.¹³

¹¹ См.: *Летопись жизни и творчества И. А. Бунина*. М., 2011. Т. 1. 1870–1909 / Сост. С. Н. Морозов. С. 890 (далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: *Летопись*, с указанием номера страницы), а также: *Стихотворения*, 2, 269, 489 (комм.).

¹² Позже, заканчивая этим эпизодом мемуарный очерк «Горький» (1936), Бунин писал так: «Вскоре после захвата власти большевиками он (Горький. — Т. Д.) приехал в Москву, остановился у своей жены Екатерины Павловны и она сказала мне по телефону: „Алексей Максимович хочет поговорить с вами“. Я ответил, что говорить нам теперь не о чем, что я считаю наши отношения с ним навсегда конченными» (*Бунин И. А. Воспоминания*. Париж, 1950. С. 129).

¹³ В долгом послесловии отношений Бунина и Горького было не только тотальное отталкивание, но и точное эхо: название бунинских очерков революционной поры «Окаянные дни» было, возможно, невольно подсказано Горьким, который писал Бунину 18 февраля 1917 года (перед их последней встречей в Петрограде): «Нездоров, вторую неделю торчу дома. Жить — очень нехорошо! Тихонов говорил мне, что и у Вас настроение скверное. Господи, какая окаянная жизнь!» (*Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2006. Т. 12. С. 112*). См. также стихотворение М. А. Волошина «Стенькин суд» (декабрь 1917), главный герой которого предвещает: «И за мною не томят что драная / Голытьба, а казной расшибусь — / Вся великая, темная, пьяная, / Окаянная двинется Русь». См. также прим. 37.

Моментальная точность оценок, которые Бунин дает происходящим на его глазах событиям, поразительна. 4 ноября 1917 года, на следующий день после того, как власть в Москве перешла к Военно-революционному комитету, он в дневнике определяет главное: «Вчера не мог писать, один из самых страшных дней всей моей жизни. Да, позавчера был подписан в 5 ч. „мирный договор“. Вчера часов в 11 узнал, что большевики отбирают оружие у юнкеров. Пришли Юлий <Ю. А. Бунин. — Т. Д.>, Коля <Н. А. Пушешников. — Т. Д.>. Вломились молодые солдаты с винтовками в наш вестибюль — требовать оружие. Всем существом понял, что такое вступление скота и зверя победителя в город. <...> Лица хамов, сразу заполнивших Москву, потрясающе скотски и мерзки. <...> / Заснул около 7 утра. Сильно плакал. 8 месяцев страха, рабства, унижений, оскорблений! Этот день венец всего! / Разгромили людоеды Москву!»

В художественном дневнике «Окаянные дни» этой записи нет,¹⁴ он начинается 1 января 1918 года: «Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже наверное так».¹⁵

Зимой Москва живет слухами о сдаче города немцам (так, что даже возможный взрыв Кремля перед этим обсуждается серьезно и никого не удивляет), реформой орфографии (декрет был подписан 23 декабря 1917 года), переходом на новый стиль (с 1 февраля 1918 года),¹⁶ спорами о цензуре, введенной для московских газет президиумом Совета рабочих и солдатских депутатов, и разговорами о том, что Брюсов «все левее», «почти уже форменный большевик» (он вступит в партию в 1920 году), что «открыто присоединился к большевикам» Блок (вышла его статья «Интеллигенция и Революция»),¹⁷ что исключен из «Среды» А. Серафимович (он не отказался от сотрудничества в большевистском издании),¹⁸ и т. д. Видимо, в декабре происходит знакомство Буниных с М. О. и М. С. Цетлиными (они жили по соседству, в своем особняке на Поварской ул., д. 9), которому еще предстоит долгая, счастливая и драматическая история.¹⁹ В январе продолжают заседания литературного кружка «Среда», на одном из них (7 января) обсуждается рассказ А. Н. Толстого «День Петра», и в это время приходит сообщение о разгоне Учредительного собрания в Петрограде. 17 февраля на одном из собраний присутствует В. В. Маяковский («щеголявший стоеросовой прямоотой суждений»), читают стихи В. М. Инбер и И. Г. Эренбург.²⁰ На других собраниях Бунин встречает М. А. Осоргина, С. А. Ауслендера, В. Ф. Ходасевича, Б. К. Зайцева. Дома читает Книгу пророка Иеремии и следом — корректуру своей «Деревни» (для «Паруса», который ее не издаст) и стихов 1916 года «Хозяин умер, дом

¹⁴ Стоит подчеркнуть, что разница между личным дневником Бунина и «Окаянными днями» не только стилистическая, но и хронологическая, событийная (так, например, первая запись в сохранившемся дневнике Бунина 1918 года сделана 18 января). Рассматривать «Окаянные дни» как прямой источник сведений о конкретном течении жизни Бунина можно только с осторожностью. См.: Морозов С. Н. «Окаянные дни» И. Бунина: к истории текста // Текстологический временник: вопросы текстологии и источниковедения. М., 2012. Кн. 2. С. 302–311.

¹⁵ Бунин И. А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин, 1935. Т. 10. Окаянные дни. С. 35.

¹⁶ Далее даты приводятся только по новому стилю, кроме особо оговоренных случаев.

¹⁷ И в том, и в другом случае — оценки Бунина, см.: Бунин И. А. Собр. соч.: В 11 т. Т. 10. С. 36, 39.

¹⁸ Об этом, в частности, см.: Зайцев Б. К. Москва. Мюнхен, 1973. С. 37–38.

¹⁹ В позднем (6 декабря 1945 года) письме к М. С. Цетлиной В. Н. Бунина вспоминает «встречи и в Москве, и в Одессе» и «дружбу в Париже» (Новое о Буниных / Публ. Н. Винокур // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1989. <Вып.> 8. С. 308). В мае 1918 года М. О. Цетлин придет к Бунину с предложением участвовать в эсеровской газете «Возрождение» (в ней к тому времени уже сотрудничали И. И. Фондаминский и М. В. Вишняк). Бунин согласится, и это станет прологом их общих издательских проектов в эмиграции.

²⁰ Бунин И. А. Собр. соч.: В 11 т. Т. 10. С. 36.

забит...» (позже примеряет заглавие «Канун»)²¹ Все происходящее вокруг кажется ему осуществлением ветхозаветных пророчеств о падении царств, и он уже присоединял к ним свой голос, предупреждая о грозящих России потрясениях — и в 1910 году, когда писал «Деревню», и в стихах последних лет (см.: *Стихотворения*, 1, 76–78). Вместе с тем Бунин участвует в поэтических вечерах и выступает с чтением своих произведений (*Летопись*, 912–919). 27 февраля в Политехническом музее проходит «Избрание короля поэтов». Среди прочих читаются и стихи Бунина, но у эпохи другие кумиры: первое место занимает И. Северянин, второе — В. Маяковский, третье — К. Бальмонт...

В начале мая время вновь спрессовывается. На 1 мая 1918 года выпадает Великая Среда, но в Москве (с марта она — столица страны) широко отмечается «интернационалистич<еский> праздник»: на Ходынском поле проходит первый парад Красной армии, на Красной площади — большая демонстрация. Накануне, 30 апреля Бунин оказывается свидетелем свержения памятников, его особенно поражает «стаскивание» памятника М. Д. Скобелеву. В дневнике появляется запись: «А завтра, в день предания Христа — торжество предателей России! <...> Вот уж поистине всё чуда ждешь, — так страшно изболела душа! Хотя бы их гроза убила, потоп залил!» — но на следующий день и погода за новую власть: «Везет им! День очень хороший, солнечный, хотя сильно прохладный». Назавтра, 2 мая Бунин идет к комиссару по иностранным делам московского Совнаркома В. М. Фриче справиться о заграничных паспортах. 3 мая — Страстная Пятница. Утром Бунин и Н. А. Пушешников в толпе горожан стоят на Красной площади: перед праздником трудящихся на Никольской башне Кремля кумачом завесили икону святителя Николая, и прямо во время первомайской манифестации кумач разорвался или, как писал в дневнике Бунин, истлел. Пушешников описывает изумление собравшихся на площади людей: «Все говорят о чуде, говорят разное» (цит. по: *Летопись*, 925). К вечеру Бунин идет в церковь «Никола на курьих ножках» на Большой Молчановке. Туда же они с В. Н. Муромцевой приходят в Пасхальную ночь. Вернувшись со службы, Бунин открывает дневник: «Красота этого еще уцелевшего островка среди моря скотов и убийц, красота мотивов, слов дивных, живого золота дрожащих огоньков свечных, траурных риз — всего того дивного, что все-таки создала человеческая душа и чем жива она — единственно этим! — так поразила, что я плакал — ужасно, горько и сладко. <...> О, Господи, неужели не будет за это, за эту кровавую обиду, ничего?! О какая у меня несказанная боль и злоба к этим Клестовым,²² Троцким, матросам».²³ 8 мая появляется надежда: «День большого непрерывного волнения: переворот на Украине» (*Летопись*, 925).²⁴ При поддержке австро-венгерских и германских войск к власти в Киеве приведен гетман П. П. Скоропадский, вместо Украинской Народной Республики создано Украинское государство (Держава). С этого момента неотступная мысль Бунина уехать из Москвы приобретает конкретные очертания: он рвется на юг.

Но до отъезда из Москвы в личном мире Бунина происходит событие, которое еще неявным для него образом замыкает собой всю его «русскую» жизнь:

²¹ Там же. С. 44.

²² Клестов Николай Семенович (1873–1941) — литературный критик, член РСДРП с 1902 года, один из организаторов большевистского переворота в Москве в октябре 1917 года. В 1912–1919 годах был заведующим «Книгоиздательством писателей в Москве» (с которым Бунин активно сотрудничал, выпустил в нем несколько книг, а в 1914 году был его редактором).

²³ См. стихотворение «Москва» («Темень, холод, предрассветный...»): *Стихотворения*, 2, 170–171.

²⁴ В художественном дневнике «Окаянные дни» это время пропущено: московская часть обрывается на записи от 24 марта 1918 года, одесская начинается в апреле 1919 года, после того, как город был занят большевиками.

14 мая 1918 года умирает Варвара Владимировна Пашенко (Бибикова). Пять лет бунинской юности (со знакомства в июне 1889 года до разрыва в ноябре 1894 года) были неразрывно связаны с ней; своей «долгой любовью» Бунин назвал ее в «Автобиографической заметке» 1915 года (*Бунин*–9, 9, 260) и как о самом мучительном переживании своей молодости вспоминал о ней в поздние годы. Да, в течение двадцати лет после того, как, оставив Бунина, она вышла замуж за их общего знакомого Арсения Николаевича Бибикова, и после того, как Бунин превозмог нанесенные ему боль, обиду, оскорбление, В. В. Пашенко как будто пребывала в тени его творчества, никак не обнаруживая себя в бунинских произведениях. И получив известие о ее смерти, и в следующие дни Бунин может только удивляться собственному бесчувствию.²⁵ Однако спустя несколько лет, начиная с рассказа «В ночном море» (1923), построенном как воображаемый «посмертный» разговор двух бывших соперников,²⁶ образ юношеской любви, которой были отданы лучшие силы его ранних лет, вновь проступит в бунинских произведениях. И «Жизнь Арсеньева», и многие рассказы «Темных аллей», и прежде всего «Поздний час», будут пронизаны соединением двух образов — умершей возлюбленной и утраченной родины.

Пока же, в ежедневном течении мая 1918 года, Бунин был слишком занят предотъездными заботами. Сначала ему предстояла поездка с Ю. И. Айхенвальдом «в Тамбов и Козлов, где устраивались „Бунинские вечера“» и откуда, как пишет В. Н. Муромцева, «они привезли окорока, муки и круп, а Ян еще твердую и непоколебимую уверенность, что нужно уезжать, и как можно скорее, на юг, где с воцарением Гетмана большевики были прогнаны. Его поездка дала ему подлинное ощущение большевизма, разлившегося по России, ощущение жуткости и бездонности» (*Устами Буниных*, 1, 171).²⁷ Затем надо было получить необходимые пропуска для выезда из Москвы (см.: *Летопись*, 931, 934).²⁸ Наконец, 5 июня 1918 года в санитарном поезде, уходящем с Савеловского вокзала, Бунины навсегда покинули Москву и 8 июня пересекли границу между советской и германской зонами в Орше.

* * *

17 июня 1918 года Бунины приезжают в Одессу, занятую в то время австро-венгерскими и германскими войсками, и вскоре снимают дачу на Большом Фонтане. После напряженного, гнетущего ужаса и отвращения, которые вызывала в нем московская жизнь, Бунин оказывается в родной и счастливой для него жизни одесской, и эта перемена подобна истинному чуду. В конце июня В. Н. Муромцева пишет брату: «Дача у нас хорошая, большая, стоит в фруктовом саду, а сад выходит в степь», «мне кажется, что я живу в раю».²⁹

²⁵ Бунин узнал о смерти В. В. Пашенко от А. Н. Бибикова, который пришел к нему в то же утро (с конца 1890-х годов они возобновили приятельские отношения, Бунин посылал свои книги, Бибилов, поэт-любитель, прислушивался к его советам и т. д.). Вечером 14 мая Бунин пишет в дневнике: «Весь день и в момент этого известия у меня никаких чувств по поводу этого известия. Как это дико! Ведь какую роль она сыграла в моей жизни!»

²⁶ См. также позднюю запись Бунина об А. Н. Бибикове, с которым они «были друзьями первой молодости», и «другой России», которая кажется теперь «сном»: *Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вступ. статья и прим. А. К. Бабореко. М., 2007. С. 148.*

²⁷ В. Н. Бунина относит эту поездку к началу мая, но она считает по старому стилю. См. также: *Летопись*, 930.

²⁸ В. Н. Муромцева рассказывала об этом в письме к А. К. Бабореко от 13 марта 1958 года так: «Разрешение устроил нам Фриче в благодарность за то, что Иван Алексеевич хлопотал за него у московского градоначальника, чтобы его не выслали из Москвы незадолго до революции» (цит. по: *Бабореко А. К. Бунин: Жизнеописание. 2-е изд. М., 2009. С. 232*).

²⁹ Письмо В. Н. Муромцевой Всеволоду Николаевичу Муромцеву от 29 июня / 12 июля 1918 года (цит. по: Там же. С. 234).

Рядом с Буниными живут их давние друзья П. А. Нилус, А. М. и Л. К. Федоровы, приезжают в гости Д. Н. и И. Л. Овсяннико-Куликовские, Д. Л. и Ю. Л. Тальниковы, преподаватели Новороссийского университета В. О. Недзельский и В. Ф. Лазурский, художник П. П. Ганский, критик Б. Вальбе, Г. Д. и Т. Д. Гребенчиковы. «Ян все „вьет свое гнездо“», — пишет В. Н. Муромцева.³⁰ На этой даче, впервые после бегства из Глотова, Бунин одно за другим пишет стихотворения, в которых его апокалипсические настроения сменяются евангельским упованием на воскрешение прошлого и обретением единства жизни и мироздания: «В дачном кресле, ночью, на балконе...» (9 июля), «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» (14 июля), «Огонь, качаемый волной...» (24 сентября) и др.

В октябре Бунины перебрались в город, в дом их давнего приятеля, художника Е. И. Буковецкого (в феврале 1919 года он напишет портрет Бунина), и там, по словам В. Н. Муромцевой, «несмотря на все несчастья, <...> сравнительно счастливо прожили почти полтора года» (*Устами Буниных*, 1, 339). К осени 1918 года в Одессу съехались многие столичные литераторы, именно там сложились тесные отношения Бунина с М. А. Алдановым, Н. А. Тэффи, П. М. Пильским, А. Н. и Н. В. Толстыми, М. О и М. С. Цетлиными, В. В. Рудневым, И. И. Фондаминским и др., устраивались вечера, затевались книгоиздательства. В ноябре Бунин наконец выступает в печати, к 100-летию И. С. Тургенева он пишет статью «Страшные контрасты», в которой впервые использует название будущих заметок революционной поры: «Можно ли придумать более страшные контрасты: Тургенев и современная русская литература, годовщина тургеневского рождения — и годовщина так называемого большевизма <...> говорить о Тургеневе в это ни с чем не сравнимое время, когда Бог привел мне видеть подтверждение моих дум о русском народе в такой ужасной мере <...> нет, говорить и праздновать в эти окаянные дни уже совсем выше моей силы».³¹

В ноябре Одесса оказалась занята англо-французскими войсками, в декабре город ненадолго захватили петлюровцы, через несколько дней их вытеснили войска Добровольческой армии, которая при поддержке французских союзников оставалась в Одессе до начала апреля 1919 года. Для Бунина это время надежд, впервые в жизни он печатает публицистические стихи — поэтическое приветствие добровольцам.³² Мотив невозможности и необходимости слова в новом страшном мире развивается в его статье «Не могу говорить», написанной в конце марта 1919 года. Это одно из самых страстных выступлений Бунина против большевизма, задавшее камертон всей его будущей публицистики, выходит в только что основанной газете «Наше слово» 2 апреля (№ 1), — а на следующий день ситуация резко меняется.

3 апреля во Франции правительство Ж. Клемансо уходит в отставку, французская армия оставляет Одессу, в городе объявляется срочная эвакуация. Следующие дни наполнены мучительными размышлениями: «...куда бежать? На Дон? Страшно — там тиф! За границу — и денег нет, да и тяжело отрываться от России» (*Устами Буниных*, 1, 221).³³ 5 апреля из Одессы «стре-

³⁰ Муромцева В. Н. Дневник // РАЛ. MS 1067/346 (запись от 3 июля 1918 года).

³¹ Опул.: Одесские новости. 1918. 10 нояб. № 10893; см.: Публицистика, 22–23.

³² Стихотворение «И боль, и стыд, и радость. Он идет...» Бунин написал, судя по дневнику В. Н. Муромцевой, 28 ноября 1918 года, когда к Одессе подошли английские корабли (РАЛ. MS 1067/352). 22 декабря 1918 года, после того, как Одессу заняла Добровольческая армия, оно было переадресовано ее воинам и опубликовано в газете «Одесский листок» (№ 279) под заглавием «22 декабря 1918».

³³ Опасения были тем более обоснованы на фоне только что вышедшей статьи Бунина: «...ведь нужно же было начать издавать газету за 3 дня до ухода союзников!» (*Устами Буниных*, 1, 226; запись В. Н. Муромцевой от 7 апреля 1919 года).

нительно бежали морем (в Константинополь и дальше)» А. Н. и Н. В. Толстые (Бунин–9, 9, 437). Тогда же покинули Одессу Н. А. Тэффи, М. О. и М. С. Цетлины, которые горячо уговаривали Буниных уезжать.

Бунины остались. Думается, что причиной стала не только растерянность или надежда на то, что и этот кризис пройдет, но, может быть в первую очередь, та внутренняя сила, которую Бунин нашел и выразил в статье «Не могу говорить», сочетающей страстное, живое свидетельство, библейский пафос и отточенную риторику: «Все же надо говорить — хоть через силу, хоть сквозь стиснутые от боли, отчаяния и негодования зубы, хоть что-нибудь, хотя бы вот об этой невозможности говорить, — если не об общем, не о мировом, то хоть о частном, о нашем, о России, о Москве, где бражничают Емельки и Гришки за своей кровавой пьяной трапезой.

Говорить для чужеземцев, слишком еще мало знающих нас и волею судьбы призванных решать наши судьбы, — чтобы слышали они и мой голос, то, что я говорю, — я, Божию милостью не последний сын своей родины.

Говорить для будущего историка, чтобы смутить его и заставить нахмуриться, стать строже к своему труду, когда дойдут до него наши загробные голоса — славословия этим дням и мое проклятие им до скончания и по скончании их, равно как и тем, кто творит и кто приготавливал эти дни, а теперь тоже клянет, забывая, что „не властен ударяющий в барабан удерживать грохот барабана“.

Говорить для тех, — да сохранит Господь их драгоценную жизнь! — что доброю волею идут умирать за нашу Москву, за нашу Россию» (*Публицистика*, 25–26).³⁴

* * *

В апреле–августе 1919 года Одессу занимают банды атамана Н. Григорьева, перешедшие на сторону большевиков, а вскоре и сами большевики. Дом, в котором жили Бунины, находился в самом центре города (Княжеская ул., д. 27), бои, как и осенью 1918 года в Москве, шли прямо под их окнами, и вся обстановка казалась страшным повторением пережитого раньше.³⁵ Уже в апреле стала сказываться нехватка воды, продуктов. В мае начались аресты и расстрелы «буржуев», в ответ на это прокатились стихийные расправы над евреями-большевиками и их сторонниками (см.: *Устами Буниных*, 1, 252–253).³⁶ Когда в июне был сменен и укреплен состав Одесской ЧК, террор усилился: массово арестовывались профессора, юристы и другие «буржуазные элементы», было убито не менее полутора тысяч человек, новые списки расстрелянных появлялись постоянно. Бунин думал о том, чтобы перейти на нелегальное положение. «Надеялись, что в случае опасности его предупредят. Но все же всякий вечер бывало жутковато» (*Устами Буниных*, 1, 273).

Отношение к большевикам определяло все жизненное поведение Бунина и не раз ставило его в опасное положение. Писатель неоднократно получал предложения сотрудничать с новой властью, но неизменно их отклонял: «Лучше стану с протянутой рукой на Соборной площади, чем пойду туда. Пусть

³⁴ См. запись в дневнике В. Н. Муромцевой от 28 марта 1919 года: «Вчера Ян кончил свою статью. Все время он был очень серьезен. Даже похудел. Прочел мне <...> Когда кончил, вытер глаза платком. Когда я убирала платок, он оказался мокрым» (РАЛ. MS 1067/364).

³⁵ Первая запись в одесской, наиболее объемной части «Окаянных дней» датирована 25 апреля (12 апреля по ст. стилю) 1919 года. Первая сохранившаяся запись в реальном дневнике Бунина 1919 года — 9 мая.

³⁶ Кроме всего прочего, апрель–май 1919 года — это время интенсивного и дружеского общения Буниных и М. А. Волошина, до его отъезда в Крым, см., в частности, мемуарный очерк Бунина «Волошин» (1930).

этот факт останется в истории...» (*Устами Буниных*, 1, 257). В. Н. Муромцева описывает, как 12 июля в особняк Буковецкого нагрянули с обыском, Бунин — все время, пока искали в других помещениях, оставался за своим письменным столом, «был в очках, перед ним лежала книга, но он не читал». Когда же красноармейцы появились на его пороге, Бунин «с необыкновенно свирепым видом» воспротивился им так яростно, что они не стали обыскивать его комнаты и «вышли тихо один за другим» (см.: *Устами Буниных*, 1, 275–278).

В августе 1919 года Бунины, «прожив почти пять несказанно мучительных месяцев под большевиками, освобождены были добровольцами Деникина, — его главная армия чуть не дошла в ту, вторую, осень до Москвы, — но в конце января 1920 года опять чуть не попали под власть большевиков и тут уж навсегда простились с Россией» (*Бунин*–9, 9, 437). Бунин тянул с отъездом до последней возможности. Осенью налаживается почтовое сообщение с заграницей, и А. Н. Толстой в первых же письмах из Парижа предлагает Буниным помощь и уговаривает уезжать: «Франция — удивительная, прекрасная страна, с устоями, с доброй стариной — обжитой дом»,³⁷ — но Бунин и тогда отказывается. В это время он пишет лекцию «Великий дурман», 21 сентября и 3 октября читает ее в Новороссийском (Одесском) университете.³⁸ Яростный и горький пафос личного высказывания соединен здесь с едким описанием конкретных сцен революционного времени: «Великий дурман» — следующая после «Не могу говорить» ступень к «высокой» публицистике и к «Окаянным дням» как особому произведению. 8 октября в Одессу приезжает А. И. Деникин, и Бунин пишет статью «В этот день», по силе чувства и риторическим приемам сопоставимую с плачем Иеремии. Он вспоминает потрясения последних лет: обвинение в мятеже и отстранение генерала Корнилова, захват большевиками Москвы, пасхальные дни в Москве 1918 года, пересечение границы в Орше и жизнь в Одессе, отрезанной от основной части страны, и заканчивает словами, обращенными к Деникину: «Будь благословен твой ратный путь, Надежда России».³⁹

С первых же дней, как Одесса была занята Добровольческой армией, началась работа по выпуску газеты «Южное слово». Бунин принимал участие в ее организации, а с середины октября в непосредственном руководстве: газета выходила «при ближайшем участии академика И. А. Бунина и академика Н. П. Кондакова». В ноябре–декабре Бунин регулярно печатает в «Южном слове» стихи, «Заметки» (см.: *Публицистика*, 30–44) и несколько старых рассказов, в январе — единственный написанный им в 1919 году рассказ, «Готами».⁴⁰

В конце ноября 1919 года пошло решающее наступление Красной армии на юг. 3 декабря ею был взят Киев. 6 декабря В. Н. Муромцева отмечает: «Мы опять вступили в полосу больших событий. На фронте положение очень серьезное, напрягаются последние силы» (*Устами Буниных*, 1, 320). В тот же день Бунин получает командировочное удостоверение для работы в Париже

³⁷ РАЛ. MS 1066/5561; цит. по: *Летопись*, 1041; см. также: Там же, 1056–1057.

³⁸ Полный текст лекции не сохранился, ее фрагменты на основе газетных публикаций 1919–1920 годов см.: *Публицистика*, 45–63.

³⁹ Опул.: Южное слово. 1919. 8 окт. № 29; см.: *Публицистика*, 27–29. См. также речь Бунина на банкете в честь А. И. Деникина (Там же, 29) и более позднюю дарственную надпись на книге Бунина «Чаша жизни» (Париж, 1921): «Антону Ивановичу Деникину в память прекраснейшего дня моей жизни — 25 сент<ября> 1919 г. в Одессе — когда я не задумываясь и с радостью умер бы за Него. Ив. Бунин Париж, 1922 г.» (цит. по: *Публицистика*, 475; датировка Бунина по ст. стилю). Сохранились и письма Деникина к Бунину 1922–1924 годов: РАЛ. MS 1066/2193–2199.

⁴⁰ Подробнее о публикациях Бунина этого времени см.: *Бакунцев А. В.* И. А. Бунин на страницах одесской печати в годы Гражданской войны // *Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика*. 2014. № 5. С. 55–70.

в качестве корреспондента одесских газет.⁴¹ 20 декабря В. Н. Муромцева пишет: «Тучей саранчи, как Атилла, идут большевики. На пути своем они уничтожают все, оставляя голую землю <...> / Получили визы на Варну и Константинополь⁴² <...> Ехать нам не миновать, но когда и куда поедет, знает один Бог» (*Устами Буниных*, 1, 322). Настроение следующих дней — паника.

Но даже теперь, как и перед прошлыми прощаниями, в последние дни перед концом прежней жизни Бунину было дано в полной мере испытать ее гармонию и сладость. Дважды, сначала 1 января, затем 13 января 1920 года, Бунины приходят в гости к своему давнему знакомому А. М. Дерибасу.⁴³ 1 января (19 декабря по ст. стилю) Александру Михайловичу исполняется 63 года, и в тот вечер всеми владеет чувство счастья и радости за его семью: дети Дерибаса после многих тревог и опасностей только что добрались до Одессы из разных мест, занятых красными. Бунин говорит, что «любит Александра Михайловича за то, что он человек уходящего мира, в котором было так много прекрасного, благородного и настоящего. А грядущий мир ужасен и никогда не примирится он с ним. И что в настоящую минуту, накануне эмиграции, он чувствует минувшую жизнь так остро, что трудно передать» (*Устами Буниных*, 1, 328).⁴⁴ 13 января, на встрече нового, 1920 года (его отмечали по старому стилю), Бунин, вероятно, в последний раз видит свою первую жену, Анну Николаевну Цакни (вторым браком она была замужем за А. М. Дерибасом).⁴⁵

Предотъездную хронику ведет В. Н. Муромцева. 3 февраля в городе слышна пальба. 4 февраля: «С кем бы мы ни встретились, каждый говорит: Иван Алексеевич, уезжайте! <...> / Порт охраняется английскими солдатами. <...> / Город пуст, только патрули». 6 февраля, когда идет погрузка на пароход «Спарта» («маленький, не внушивший доверия»), идут уличные бои: «...выстрелы еще далеко, но надежды уже никакой нет» (см.: *Устами Буниных*, 1, 336–342). На следующий день пароход перешел на внешний рейд и 9 февраля отправился в путь.

Об этих днях Бунин в 1921 году, уже в Париже напишет рассказ «Конец»,⁴⁶ в 1922-м — стихотворение «О, слез невыплаканных яд!..». Его центральный образ взят из псалма 136, начинающегося словами «На реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе...» (ср. также: Ис. 13: 16–18). За полгода до смерти, в мае 1953 года в авторских экземплярах своего последнего собрания сочинений⁴⁷ Бунин от руки впишет над этим стихотворением заглавие — «России Ленина»:

⁴¹ Официально Бунин уезжал из Одессы как корреспондент газеты «Единая Русь» и «для организации в Белграде и Париже Отделения Издательства „Русская Культура“» (его удостоверение: РАЛ. MS 1066/1254). См. также: *Устами Буниных*, 1, 330–332.

⁴² Визы во Францию будут получены 6 января 1920 года.

⁴³ Дерибас (де-Рибас) Александр Михайлович (1856–1937) — журналист и литератор, внучатый племянник основателя Одессы. Его брат, историк Одессы и библиофил Людвиг Михайлович Дерибас заведовал Городской Публичной библиотекой, где любила заниматься В. Н. Муромцева (она работала там над переводами П. Лоти).

⁴⁴ Прямая переписка со сказанным несколько дней назад о себе самом, «о том, что он не может жить в новом мире, что он принадлежит к старому миру, к миру Гончарова, Толстого, Москвы, Петербурга. Что поэзия только там, а в новом мире он не улавливает ее» (*Устами Буниных*, 1, 325; запись В. Н. Муромцевой от 26 декабря 1919 года).

⁴⁵ В последующие годы они переписывались. Письмо А. Н. Цакни Бунину, полученное им после смерти А. М. Дерибаса (1937), начиналось словами: «Дорогой мой! Не могу не написать тебе, что я всегда тебя помню и люблю» (РАЛ. MS 1066/5626).

⁴⁶ Первое название — «Гибель (Из повести)», опубли.: Звено. 1923. 12 марта. № 6; название «Конец» утвердилось в книге Бунина «Роза Иерихона» (Париж, 1924).

⁴⁷ *Бунин И. А. Собр. соч.*: В 11 т. Т. 8. Несрочная весна. С. 204. Авторские экземпляры: РАЛ. MS 1066/10171; РАЛ. MS 1066/10172. В третьем, более раннем (март 1951 года) авторском экземпляре вписано заглавие «России» (РГБ. Ф. 429. Карт. 2. Ед. хр. 3). См.: *Стихотворения*, 2, 188, 463 (комм.).

О, слез невыплаканных яд!
 О, тщетной ненависти пламень!
 Блажен, кто раздробит о камень
 Твоих, Блудница, новых чад,
 Рожденных в лютые мгновенья
 Твоих утех — и наших мук!

Блажен тебя разящий лук
 Господнего святого мщенья!

* * *

Когда в конце марта 1920 года Бунины приезжают в Париж, эмиграция полна слухами и планами свержения большевиков, и пройдет десять лет, прежде чем Бунин простится с надеждой вернуться в Россию.⁴⁸ Но, уже уплывая из Одессы, он знал, что это — изгнание, и ярость, боль, гнев, отчаяние и самая ясная, чистая ненависть переполняют его. Только через полгода после приезда Бунин возвращается к письменному столу, начинает печатать политические и литературные заметки, собирает прежде не публиковавшиеся стихи, однако восстановить свой художественный мир не может. Не только потому, что нет больше той жизни, о которой он писал, но и потому, что чувствует: если он и будет дальше писать, то по-новому.

В течение 1921 года Бунин создает несколько рассказов, в разных сюжетных преломлениях которых звучат мотивы тщеты всех желаний, отречения и просветления. В одном из них звучит «отчаянная скорбь», которая «слаще самой высокой, самой страстной радости» некогда славного, непобедимого и могущественного Темир-Аксак-Хана: «Выньте душу мою, калеки и нищие, ибо нет в ней больше даже желания желать!» (*Бунин-9*, 5, 35–36). Этот рассказ В. Н. Бунина читала Бунину в одну из его предсмертных ночей — тогда, спустя 32 года он повторил слова своего героя как свои собственные (см.: *Бунин-9*, 5, 512). Но прежде в бунинской судьбе суждено было исполниться и другим его словам — из рассказа «Ночь отречения». В нем стоящий на берегу океана человек возглашает: «Как дождевая капля с тугого листа лотоса, скатывается с меня Желание!» — и слышит голос Будды: «Истинно, истинно говорю тебе, ученик: снова и снова отречешься ты от меня ради Мары, ради сладкого обмана смертной жизни, в эту ночь земной весны» (*Бунин-9*, 5, 39–40).

Написанный в том же, 1921 году автобиографически заостренный «Конец» о бегстве из осажденной Одессы, крахе и гибели всей прежней жизни продолжился поэтически ритмизованными «Косцами», уводящими взгляд «в бесконечную русскую даль», в которой «нет, да никогда и не было, ни времени, ни деления его на века» (*Бунин-9*, 5, 68; историю рассказа см.: *Бунин-9*, 9, 370). Запись в дневнике Бунина о том, как начинались «Косцы», обозначает зарождение его новой писательской манеры: «Все дни, как и раньше часто бывало и особенно эти последн<ие> проклятые годы <...> бесплодные поиски в воображении, попытки выдумать рассказ, — хотя зачем это? — и попытки пренебречь этим, а сделать что-то новое, давным-давно желанное <...> — начать книгу, о которой мечтал Флобер, „Книгу ни о чем“, безо всякой внешней связи, где бы излить свою душу, рассказать свою жизнь, то, что довелось видеть в этом мире, чувствовать, думать, любить, ненавидеть <...> Нынче неожиданно начал „Косцов“ <...>» (*Устами Буниных*, 2, 66–67).

⁴⁸ См.: Двинятина Т. Дневники И. А. Бунина 1920-х гг.: пространство и пределы реконструкции // *Avtobiografija. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*. 2019. № 8. С. 97–116.

И тогда публицистика и актуальность отступают, и за тем пределом, который понимается как смерть и конец, приходит освобождение и начинается восхождение Бунина к лирическому эпосу «Жизни Арсеньева». В 1922–1924 годах в этом мире, утраченном въяве и воссоздаваемом творческим сознанием Бунина, постепенно появляются конкретные герои («Далекое», «В некотором царстве», «Сосед») и заново определяются истоки, характер и смысл писательского творчества («Неизвестный друг», «Музыка»). Стремление высказать себя резонирует с обращением к общему, не вполне сознаваемому, но существенному опыту в другом (читателе, адресате, поколении): «Поистине только одна, единая душа есть в мире» (Бунин–9, 5, 91; ср. стихотворения «В горах», «У гробницы Вергилия», оба — 1916). В прошлый раз подобное возвращение к жизни Бунин испытал летом 1918 года в Одессе. Осенью 1923 года круг смерти, перерождения и воскрешения автора и мира завершается рассказом «Несрочная весна». Обретя опору в элегической традиции и поэтической философии памяти (прежде всего Е. А. Баратынского), Бунин словно замкнул свод над прошлым. Теперь оно существовало наравне с его настоящим, и, не в состоянии превозмочь слом между ними в реальном бытии, Бунин совмещает их в своем художественном воображении. Натяжение между прошлой всеохватной гармонией и настоящим одиноким и трагическим мигом образует главную, пронзительную, неутоленную интонацию его позднего творчества.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-129-141

© С. Н. МОРОЗОВ

РАССКАЗ И. А. БУНИНА «ЦИКАДЫ»: ИСТОРИЯ ТЕКСТА*

Исследование текстологии прозы И. А. Бунина уже началось и постепенно развивается. В этом направлении появился целый ряд статей, однако, чтобы получить более или менее обобщающее представление о проблемах и вопросах в данной области, предстоит еще многое сделать.

В настоящей статье мы остановимся на одном из рассказов, исследуя историю его текста, основные варианты и редакции. Рассказ «Цикады» И. А. Бунин написал в Грассе в сентябре 1925 года. Сохранились автографы черновиков (РАЛ. MS 1066/201–206) и чистовая машинопись рассказа (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 19; судя по качеству печати, это 2-й или 3-й отпуск). Кроме того, до нас дошли три авторских экземпляра 9-го тома берлинского Собрания сочинений с правкой Бунина (РАЛ. MS 1066/10174, 10175; РГБ. Ф. 429. К. 2. Ед. хр. 4).

Впервые «Цикады» были напечатаны в парижском журнале «Современные записки».¹ Затем включены Буниным в сборник «Солнечный удар».² Последняя авторская публикация этого рассказа появилась в Собрании сочинений,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 17-18-01410-П) в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

¹ Современные записки. 1925. № 26. С. 85–101. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: СЗ, с указанием номера страницы.

² Бунин И. Солнечный удар. Париж, 1927. С. 113–130. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: СУ, с указанием номера страницы.